

УДК 327

Ходаковский Е.А. Третий путь Третьего Рима: Россия и Восток¹

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности (г. Москва)

E-mail: khodakovsky@bk.ru

В очередной фазе противостояния Запада и Востока все возрастающую роль играют «наиболее опасный союзник столетия» и «сетевая цивилизация», которые в будущем окажут решающее воздействие на определение основных направлений глобальных трансформаций, а также на перспективы реализации Стратегии России в XXI веке.

Ключевые слова: глобальная безопасность, Запад, Восток, региональная интеграция, Китай, Индия, Россия.

В 1947 году один из основоположников теории цивилизаций, британский историк Арнольд Тойнби отмечал: «Будущие историки скажут... великим событием XX века было воздействие Западной цивилизации на все другие жившие в мире того времени общества. ...воздействие было столь мощным и всепроникающим, что перевернуло вверх дном, вывернуло наизнанку жизнь всех его бесчисленных жертв, повлияв на поведение, мировоззрение, чувства и верования отдельных людей – мужчин, женщин, детей, – затронув те струны человеческой души, которые не откликаются на внешние материальные силы, какими бы зловещими и ужасными они ни были»². По истечении более чем шестидесяти лет оценка Тойнби масштабов и глобальных последствий экспансии Запада полностью подтверждается.

В то же время Тойнби определил и возможные ограничения западной экспансии. По его мнению, «первым выстрелом в контрнаступление на Запад» была коммунистическая идеология Советского Союза, «...однако не исключено, что русский запл в форме коммунизма покажется нам чем-то несущественным, когда гораздо более мощные цивилизации Индии и Китая, в свою очередь, ответят на наш западный вызов. В конечном счете Индия и Китай, вероятно, окажут значительно более глубокое воздействие на нашу западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с ее коммунизмом»³. В наше время начинает сбываться и это предвидение А. Тойнби, созвучное с прогнозами современных исследователей: «Скорее всего, будущее мира будет определяться развитием отношений в четырехугольнике США – Европа – Китай – Индия»⁴.

Толчком к «политическому Ренессансу» Востока послужила концепция «четырёх полицейских» Ф. Рузвельта, используемая при создании ООН. Выдвигающиеся в глобальные лидеры США настойчиво создавали противовес влиянию СССР в Азии, в том числе за счет включения КНР в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. При этом предполагалось, что совокупная мощь Запада, основывающаяся на союзе США и Великобритании, будет позволять доминировать над Востоком в целом, в ряды которого был окончательно отгеснен Советский Союз. Но древнейшие цивилизации мира ответили на вызов Запада тем оружием, которое ранее было им создано. Стремительно наращивая экономическую мощь, вначале Япония, новые индустриальные страны Азии, затем Китай и Индия существенно сузили сферу экономического монопольного влияния Запада. Наряду с Западной Европой и Северной Америкой Восточная Азия становится наиболее мощным в экономическом отношении регионом, сохраняющим при этом в течение десятилетий самые высокие темпы развития. «Реальной становится перспектива, что XXI в. будет *азиатским* – после XX американского века и XIX европейского»⁵.

В настоящий период основным претендентом Востока на глобальный престол является Китай, добивший-

¹ Продолжение. Начало см.: Ходаковский Е.А. Третий путь III Рима: Стратегия России в XXI веке // *Пространство и время*. 2011. № 1 (3). С. 19–25; № 2 (4). С. 19–26.

² Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Пер. с англ. / Сост. Рашковский Е.Б. М.: Прогресс – Культура, 1996. С. 129.

³ Там же. С. 133.

⁴ Лунев С.И. Индия в глобализующемся мире // *Глобализация и крупные полупериферийные страны*. Серия «Научные доклады». Вып. 1. М.: Международные отношения, 2003. С. 184.

⁵ Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 301.

ся в течение последних десятилетий двукратного увеличения разрыва в темпах роста по сравнению со среднемировым показателем и продолжающий наращивать преимущество в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Стержнем экономической успешности Китая является выверенная финансовая политика, которая привела к головокружительному росту золотовалютных резервов. За последние 10 лет они выросли более чем в 10 раз, среднегодовой прирост превышает 25%. По их размеру Китай занимает первое место в мире. В итоге «Поднебесная» превратилась не только в «мировую фабрику», но и в глобального кредитора.

Каковы причины столь впечатляющего успеха? Благодаря чему государство, почти столетие находящееся в полукOLONиальной зависимости от промышленно развитых стран Запада, сумело стать одним из влиятельнейших политических центров современности, не осуществив при этом ни одной крупномасштабной военной операции?

Важнейшей составляющей «китайского чуда» является **стратегемность**. Стратегемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Академик В.С. Мясников отмечает, что само понятие «стратегема» означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника. Стратегемы можно сравнить с эффективным и могучим оружием, которым китайцы умело пользуются уже несколько тысячелетий¹.

Огромное влияние на теоретическую разработку стратегемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве». В центральной главе «Стратегическое нападение» Сунь-цзы указывает: «По правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целостности, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целостности, на втором месте разбить ее... Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска... Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целостности и этим сохраняет власть в Поднебесной. Поэтому и можно, не притупляя оружия, иметь выгоду – это и есть правило стратегического нападения»².

Стратегемы были классифицированы по видам, разработана методика применения той или иной стратегемы в зависимости от конкретной ситуации. Был создан систематизированный свод «Трактат о 36 стратегемах». Но все сведения о стратегемах тщательно скрывались от иностранцев. Одним из способов предотвращения утечки информации был запрет на вывоз книг из страны. Формировались теоретические основы информационно-психологического противоборства, в котором важную роль играет дезинформация³.

Идеологические доктрины и методы их осуществления, формирующиеся под воздействием стратегемности и определявшие сущность внешней политики Китая, были длительное время скрыты от иностранцев, включая иерархическую модель отношений между государствами⁴, в соответствии с которой развивались представления китайцев о своей стране и окружающем мире. Мир в целом делился на «пять зон». Первая – центральная, управлялась непосредственно императором; вторая – зона удельных княжеств; третья – так называемая усмиренная зона, в которой располагались княжества, завоеванные правящей династией; четвертая – зона, где проживали «варвары», частично контролируемые центром; пятая – «дикая зона», занимаемая неуправляемыми «варварами четырех сторон света», которым присваивались какие-либо уничижительные названия. Например, русские получили наименование «лоча», что является транслитерацией санскритского слова «ракша» – «демоны, преследующие людей».

В течение второй половины двадцатого века осуществление ряда стратегемных замыслов позволило Китаю с минимальными затратами добиться обретения статуса одного из влиятельных политических центров мира. Период становления отношений между КНР и СССР был временем реализации стратегемы «Извлечь нечто из ничего» (седьмая стратегема в «Трактате о 36 стратегемах»). Буквально из ничего (благодаря всего лишь умелому имитированию поддержки «старшего брата» – СССР – в идеологическом противостоянии с США) Китай получил возможность создания современной промышленности и военного потенциала, включающего атомное оружие.

На следующем этапе была взята на вооружение стратегема «Наблюдать за огнем с противоположного берега (сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров)» (девятая в «Трактате о 36 стратегемах»). В этот период (1960–1970-е гг.) основные усилия были направлены на предотвращение наметившегося сближения СССР и США. Китай сделал ставку на эскалацию напряженности с бывшим «старшим братом»: советская политика оценивалась как «гегемонизм» и «социал-империализм», СССР был определен в качестве «главного источника новой мировой войны»⁵. Мао Цзэдун, который в совершенстве владел стратегемными методами, призывал сосредоточить усилия на Советском Союзе, чтобы ликвидировать социалистиче-

¹ Подробнее см.: Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.; Мясников В.С. Антология хитроумных планов // Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М.: Прогресс, Культура, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.galactic.org.ua/strateg/ctrat-01.htm> (дата обращения: 22.06.2011); Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1995. Вып. 2. С. 215–233.

² Цит. по: Мясников В.С. Империя Цин ... С. 41–42.

³ «Трудность исследования цинской дипломатии заключается в крайней сложности определения ее истинных планов, что обусловлено присущей ей исключительной изощренностью в искусстве политической дезинформации всех и вся, включая даже ближайшее окружение императора» (Мясников В.С. Империя Цин ... С. 5).

⁴ Подробнее см.: Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем ... С. 215.

⁵ «Американский империализм – это бумажный тигр, который давно уже проткнут народами мира, "социал-империализм" намного обманчивее по сравнению с империализмом старой марки и поэтому намного опаснее» (Женьминь жибао. 01.10.1972; цит. по: Свешников А.А. Концепция КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 102–103).

ский лагерь. Девизом китайской дипломатии стали слова Мао Цзэдуна: «Бей по голове, остальное само развалится» (этот девиз по смыслу совпадает с восемнадцатой стратагемой из «Трактата о 36 стратагемах»: «Чтобы обезвредить разбойничью шайку, сначала надо поймать главаря»).

Китайской внешнеполитической пропагандой была использована также стратагема «На востоке поднимать шум, на западе нападать» (шестая стратагема в «Трактате о 36 стратагемах») – этот замысел приписывался советскому руководству, которое якобы только имитировало борьбу с Китаем, а в действительности готовило удар по Западу.

Логическим продолжением развития антисоветского курса Китая (окончательно сложившегося в завершающий период правления Мао Цзэдуна) было провозглашение официальной доктрины «единого антигегемонистского фронта» борьбы с СССР. В основу данной доктрины была положена двадцать третья стратагема «Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего», получившая дополнительное обоснование в «теории трех миров» Дэн Сяопина. Данная теория была направлена на дискредитацию Советского Союза в отношениях с развивающимися странами: «Из двух держав в третировании народов преобладает прикрывающаяся знаменем социализма». Дэн Сяопин призывал совместными усилиями всего мира «... сорвать глобальный план, вынашиваемый Советским Союзом». В ходе визита в США в январе 1979 года Дэн Сяопин подтвердил приверженность китайского руководства доктрине «единого фронта»: «США, Китай, Япония, Европа и другие государства мира должны объединиться, чтобы справиться с советским гегемонизмом... Если Советский Союз где-то в любом районе мира будет создавать беспорядки, то мы должны там остановить, подорвать, парализовать его деятельность»¹.

Спровоцированные Китаем события на острове Даманский, приграничные конфликты с Монголией и Вьетнамом должны были убедить руководство США в серьезности намерений КНР противодействовать «советской угрозе» в Азии. В результате виртуозной игры (примечательно, что Дэн Сяопин многие годы возглавлял национальную ассоциацию игроков в покер) Китай получил доступ к западным инвестициям и технологиям, что позволило ему реализовать курс «четырёх модернизаций».

В период после окончания «холодной войны» и распада «старшего брата»² Китай продемонстрировал уникальнейшую гибкость в сфере глобальной и региональной безопасности. В условиях доминирования США на глобальном уровне КНР выступила противником моноцентризма в структуре международных отношений, а на региональном уровне был провозглашен курс: «Опирайтесь на север, стабилизировать западное направление, основные усилия сконцентрировать на востоке и юге». Одной из составляющих реализации данного курса была реанимация останков «советского гегемона». В 1992 г. китайское руководство принимает решение «по всемерному стимулированию расширения и углубления отношений между Россией и КНР». Антикоммунизм нового российского руководства не стал препятствием для реализации Китаем еще одной попытки сраживания «тигров».

Неутомимый в прошлом создатель «антигегемонистского фронта» Дэн Сяопин призвал форсировать развитие отношений с Россией: «Москва отнюдь не мертвый тигр, она играет одну из первых ролей в международной политике»³. Еще теплые «останки» Советского Союза, объединенные в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁴, потребовались в качестве «опоры» в борьбе Китая за Тайвань и доступ к энергоносителям Каспия (против США), а также в ходе территориальных споров из-за Парсельских островов и Тонкийский залив (против Вьетнама) и в Восточно-Китайском (острова Синкау) и Южно-Китайском (острова Спратли) морях.

Заключенное в апреле 1997 г. странами – участниками ШОС Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы предоставило КНР свободу маневра и дополнительные преимущества в отношениях с уже «младшими братьями»: в отличие от стран СНГ Китаю не пришлось проводить дорогостоящие мероприятия по выводу войск за пределы 100-километровой зоны от границы и созданию новой оборонной инфраструктуры⁵. Пекину удалось также добиться согласия центральноазиатских государств на проведение мер по предотвращению деятельности с их территории пантюркистских и панисламистских организаций, стремящихся поддержать сепаратистов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР⁶. При этом необходимо учитывать, что центробежные тенденции в Китае не являются доминирующими.

Политическая, экономическая система отношений в КНР обеспечивает мощный и эффективный центральный контроль над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами. Этому способствует также наличие этнически гомогенного состава населения

¹ Женьминь жибао. 02.02.1979; цит. по: Свешников А.А. Концепция КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 105–106.

² В «предсмертный период» Советского Союза Китай последовательно дожимал дряхлеющего «родственника»: в качестве предварительных условий улучшения советско-китайских отношений Москва была вынуждена выполнить ряд категорических требований Китая в отношении вывода войск из Монголии, Афганистана, Вьетнама и Камбоджи (см.: Макаренко В.В. Кто союзники России? Ментальность и геополитика: парадоксы политики безопасности России. М.: СТРАДИЗ, ФИАМР, 2000. С. 126).

³ South China Morning Post. 19.08.1992; цит. по: Остроухов О.Л., Савицкий А.Н. Внешняя политика КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 65.

⁴ Импульсом создания «Шанхайской пятёрки» послужило подписание в апреле 1996 года в Шанхае представителями Китая, России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы.

⁵ См.: Зимонин В.П. Две тенденции в развитии военно-политической ситуации в АТР и Китай // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 40.

⁶ См.: Якимец С.И. О новых моментах в геостратегии КНР после «холодной войны» // Там же. С. 70.

КНР: ханьцы составляют более 94%¹.

В сопоставлении с Западом проблемы взаимоотношений Российского государства с социально политическими общностями Востока в сфере глобальной и региональной безопасности не отличаются масштабным конфликтным потенциалом. Но все же необходимо учитывать, что при успешном разрешении Китаем проблем на южном и восточном направлениях следующим объектом «концентрации основных усилий» станут нынешние «опорные» государства: Россия, Монголия и бывшие среднеазиатские республики Советского Союза. Идеологической основой возможного «разворота» на север является разработанная в китайских военных кругах концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которые должны расширяться в соответствии с ростом «комплексной мощи государства»². Новая концепция «стратегических границ и жизненного пространства» в современных условиях является преемственным продолжением традиционной политики Китая, направленной на возвращение «утраченных территорий». Стремление восполнить «территориальные утраты» было характерно для таких политических лидеров, как Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин³. Аналогичные подходы к решению межгосударственных проблем характерны и в наши дни⁴.

Значимость роста влияния Китая в современных условиях можно проиллюстрировать следующей оценкой: «...Что же касается усиления Китая, то оно выступает в качестве потенциального источника крупной войны между ведущими государствами, относящимися к разным цивилизациям»⁵.

12 января 2007 г. с китайского космодрома Сичан в провинции Сычуань баллистической ракетой среднего радиуса действия на высоте 865 км от поверхности Земли был уничтожен метеоспутник Feng Yung, который был выведен на орбиту в 1999 г. и выработал свой ресурс. «КНР Поднебесная» бросает вызов США в космической гонке вооружений. И этот вызов подчеркивает глобальный характер противостояния Востока и Запада.

В период «холодной войны» Китай, умело маневрируя между противоборствующими сторонами, сумел извлечь максимум политических, военно-стратегических и экономических дивидендов. Передача Гонконга в июле 1997 г. и Макао в ноябре 1999 г. под юрисдикцию КНР является подтверждением эффективности выдвинутой Дэн Сяопином концепции «одна страна – две системы» и расценивается китайским руководством в качестве победы на пути к созданию «Большого Китая». С решением Тайваньской проблемы завершится первый этап «собираения китайских земель»⁶.

Системообразующую роль в формировании «Большого Китая» играет китайская диаспора (*хуацяо*). 80% всех иностранных инвестиций и капиталовложений поступают в КНР от этнических китайцев⁷. Общие активы 500 самых больших принадлежащих китайцам компаний в Юго-Восточной Азии составляют 540 млрд. долл.⁸. На Филиппинах китайцы, составляющие 1% населения страны, контролируют 60% экономики. В Индонезии при 3% доле населения *хуацяо* владеют 70% экономики частного сектора⁹. Аналогичная ситуация и в других странах ЮВА: *хуацяо* контролируют 70% экономики Малайзии, 80% – Таиланда и почти всю экономику Сингапура¹⁰.

Преобразование экономического влияния *хуацяо* в политическую мощь Китая станет основой реализации следующего этапа собирания «Большого Китая», в ходе которого будет сформирован «срединный треугольник»¹¹: Китай, подконтрольные *хуацяо* страны Юго-Восточной Азии и объединенная Корея. Подобно объединению Восточной и Западной Германии, положившему начало формированию «Большой Европы», интеграция Северной и Южной Кореи сыграет роль спускового механизма в создании цивилизации-региона Восточной Азии.

На завершающем этапе в сферу «Большого Китая» может быть включена Япония. Возникнет новый субъект глобальной политики и экономики, охватывающий наиболее динамично развивающиеся державы, объединенные единой тысячелетней цивилизационной традицией.

Успехи в развитии государства-цивилизации Индии также основываются на эффективном использовании собственного исторического достояния. Махатма Ганди следующим образом описывал основопо-

¹ См.: Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 69, 70.

² См.: Зимонин В.П. Указ. соч. С. 39.

³ См.: Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 144–171.

⁴ На проходившей в конце января 1994 г. конференции ИДВ РАН и Китайского института современных международных отношений заместитель заведующего сектором исследований мировой ситуации Чжан Бучжэнь заявил, что Россия «благодаря трем известным договорам о дружбе присоединила 3 млн. кв. км китайской территории» (цит. по: Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем ... С. 230).

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 542.

⁶ В современных условиях КНР продолжает поражать гибкостью и прагматизмом внешнеполитической стратегии, концентрируя усилия на ключевых направлениях: за счет уступок в территориальных спорах кардинальным образом изменились отношения с Индией. Китай также высказал поддержку Индии в ее стремлении добиться постоянного членства в Совете безопасности ООН, но в то же время воспрепятствовал вхождению Индии в качестве полноправного члена в ШОС.

⁷ См.: Титаренко М.Л. Указ. соч. С. 69.

⁸ См.: Уткин А.И. Указ. соч. С. 301.

⁹ См.: Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. С. 224.

¹⁰ См.: Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 432.

¹¹ См. также: Арин О.А. Россия: ни шагу вперед. М.: Эксмо, 2003. С. 288.

лагающий принцип индийского общества: «Дисциплина каст (*варнашрама*) основана на экономии социальной энергии (на ее правильном распределении) и на здоровом самоограничении человека посредством воли. ... Все рождены для служения творению: брахман – своим знанием, кшатрий – своей охранительной силой, вайшья – своей коммерческой ловкостью, шудра – своей телесной работой»¹.

В соответствии со сложившейся дифференциацией индийского общества «... две первые варны с самого начала рассматривались как «две силы», которые, будучи связанными особым образом, должны властвовать над миром...»². Господство касты *брахманов* привело к тому, что в отличие от других цивилизаций Востока в социально-политической системе Индии отсутствует жесткая моноцентристская иерархия³. Это усложняет процесс управления, но в то же время и повышает способность выживаемости общественного организма в целом, поскольку в структуре социальной системы отсутствует единый ключевой элемент («центр управления»), нейтрализация которого парализует жизнедеятельность всего общества. То, что на первый взгляд может восприниматься в качестве факторов уязвимости, в совокупности создает эффект «тотальной безопасности». По существу в Индии на протяжении веков создавалась и совершенствовалась модель социальной организации, которую сейчас называют сетевым обществом.

В течение начального периода развития независимой республики Индии, известного как «эпоха Неру» происходила выработка самостоятельного внешнеполитического курса нового государства. В первые годы существования независимой Индии шли дискуссии о значимости образовавшегося государства на международной арене, в результате которых была определена стратегическая цель внешней политики – превращение страны в державу глобального значения. В дальнейшем определенная таким образом цель не подвергалась сомнению. «Отсутствие оживленных споров по внешнеполитической проблематике в течение длительного времени свидетельствовало, что национальные интересы и внешнеполитические цели хорошо осознавались правительством и находили отражение в его внешнеполитическом курсе, который был предметом «надпартийного» согласия и общеиндийского консенсуса»⁴.

Индия активно развивает и экономическую составляющую глобальной мощи. За последние годы темпы экономического роста превышают 8%. В качестве выхода активности Индии за региональные пределы следует рассматривать усиление взаимодействия со странами Европейского Союза и Японией. Важную роль в упрочнении положения Индии в условиях интернационализации экономических связей играет диаспора, численность которой только в Северной Америке превышает 2 млн. человек. Немаловажное место современные *вайшьи* заняли в международном бизнесе, а также в сфере деятельности надправительственных (ООН, Всемирный банк и др.) и неправительственных (Красный Крест, Гринпис и т.д.) политико-правовых, экономических и культурно-гуманитарных организаций. Особенно заметно их присутствие среди влиятельных менеджеров крупных мировых корпораций, занимающихся программным обеспечением. Представители индийской диаспоры участвовали в распределении заказов этих корпораций на разработку программных продуктов и в полной мере использовали свои связи в Индии (в том числе и родственные) по вовлечению в мировую индустрию информационных технологий индийских ученых, представляющих сильную математическую школу, созданную при государственной поддержке и принимавшую участие в разработке атомного оружия. Геоинформационные сети стали благоприятной средой для усиления индийского общества, на протяжении многих веков успешно развивающего свою сетевую варно-кастовую структуру.

Показателем эффективности политики Индии в ходе процессов глобализации и регионализации является приверженность единой стратегии развития, основывающейся на взаимообусловленных действиях в сфере внутренней и внешней политики⁵, которые не подвергается (в отличие, например, от России) кардинальным изменениям при смене руководства страны, в том числе и насильственным способом. Индия представляет собой уникальный пример последовательности и преемственности полувекового эволюционного курса, на который не повлияли принципиальным образом убийства основателя страны (М. Ганди) и двух премьер-министров (И. Ганди и Р. Ганди). Плеяда выдающихся лидеров, которую называют «некоронованной династией», сумела за годы своего правления поддержать развитие тех социально-политических факторов эволюции индийского общества, которые и после их смерти способствовали предотвращению обострения кризисных ситуаций. Успешно реализованная доктрина «ненасильственного сопротивления» (*сатья-грахи*) М. Ганди⁶ в противостоянии с Британской империей принесла независимость Индии, а впоследствии заслуженный авторитет среди стран «третьего мира» и статус основателя и лидера Движения неприсоединения.

В то же время во взаимодействиях с воинственными соседями стремление к ненасильственному раз-

¹ История Индии. М.: Альтернатива, 2004. С. 698.

² Дюмон Л. Homo hierarchicus // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 377.

³ «... государство в Индии играет в целом меньшую роль, чем, например, в Китае, что во многом связано с цивилизационными различиями. Индуизм традиционно (в отличие от конфуцианства) придает относительно небольшое значение государству, делая упор на других ценностях, и поэтому централизация в Индии всегда была относительной» (Лунев С.И. Указ. соч. С. 180).

⁴ Там же. С. 174.

⁵ «Стратегическая цель внешней политики Индии – превращение страны в державу глобального значения – была определена еще полвека назад» (Лунев С.И. Указ. соч. С. 174).

⁶ Этимологически – satya: справедливый, право; agraha – опыт, попытка. Его прилагали специально к непринятию несправедливости, Ганди определяет его так: «Держаться истины; сила истины; сила любви или сила души, и наконец... торжество истины через силу души и любви» (История Индии... С. 703).

решению конфликтов расценивалось как признак слабости, поэтому понадобились иные методы достижения целей. Упор был сделан на превращение Индии в регионального лидера, обладающего соответствующим промышленным и военным потенциалом. «Особую роль здесь сыграла помощь СССР. Он не только продавал оружие и военную технику, но и содействовал закладке основ развитого ВПК»¹. Намеченные преобразования основывались на достижениях в сфере экономического развития². Результаты не замедлили сказаться. «Глобальная внешняя политика Индии отражала растущую уверенность Дели в своих силах и возможностях. Перенеся центр тяжести усилий в международной области с азиатско-африканских стран на более широкую общность неприсоединившихся и менее развитых (развивающихся) государств, Индия заняла в 70–80-х годах положение ее бесспорного лидера»³.

Достигнутые успехи утвердили индийских лидеров в правильности изменения методов реализации стратегического курса. Вместо основывающегося на джайнистском принципе недеяния (*ахимсы*) – ненасильственного сопротивления⁴ – была актуализирована традиционная для индийской цивилизации установка на восприятие бытия в контексте оппозиционно-полярного противопоставления, воплощающаяся в развитии варно-кастовой структуры общества⁵.

В период после окончания «холодной войны» Индия столкнулась с новыми трудностями в сфере глобальной и региональной безопасности, связанными с распадом СССР – ее главного военно-стратегического партнера, а также с уменьшением роли Движения неприсоединения. Реализация неизменного стремления Индии к вхождению в число ведущих государств мира⁶ связывается руководством страны с обретением атрибутов глобальной мощи, поэтому в новых условиях основными направлениями политики безопасности Дели стали:

- создание арсенала ядерного оружия и средств его доставки;
- достижение официального признания статуса ядерной державы;
- обретение постоянного членства в Совете Безопасности ООН.

Непосредственными причинами к созданию ядерного оружия в Индии стали поражение в вооруженном конфликте с Китаем в 1962 году и успешное испытание китайской атомной бомбы в 1964. Военная ядерная программа Дели развивается на протяжении сорока лет: в 1965 г. правительством было принято решение о производстве подземного ядерного взрыва⁷. Это решение было реализовано в мае 1974 г., когда было произведено первое в истории региона испытание ядерного устройства. Расчетная мощность взрыва составила 12–15 килотонн, что соответствует мощности атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Заверения индийского руководства о «мирных целях» испытания не сгладили возникшие военно-политические противоречия, проявившиеся в усилении активности США в Южной Азии, в частности за счет возобновления военной помощи Пакистану и улучшения американо-китайских отношений. Поэтому почти четверть века Индия не решалась перешагнуть «пороговый уровень»: было принято решение не продолжать испытания.

Дели все же последовательно продвигался в избранном направлении к обретению статуса ядерной державы, отвергая возможные компромиссы, в том числе и формируемые на основе региональных договоренностей. Наличие всего пяти государств в мире, за которыми официально закреплен ядерный статус, расценивается индийским руководством как дискриминация, а членство в «ядерном клубе» Китая – в качестве угрозы безопасности Индии. Поэтому, рискуя оказаться в международной изоляции, Дели отказался от подписания договоров о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

В 1998 г. руководство Индии решилось на беспрецедентный шаг, кардинальным образом повлиявший на сферу безопасности в Южно-Азиатском регионе и оказавший значительное влияние на глобальную безопасность: 11–13 мая было осуществлено испытание пяти ядерных устройств различной мощности. Пакистан не замедлил с ответом, осуществив взрывы через две недели после индийских. В Южной Азии, таким образом, был поставлен под угрозу режим нераспространения ядерного оружия. «Китайский фактор» сыграл роль спускового механизма в разворачивании подобного хода событий в Южной Азии. Знаменательно, что за неделю до проведения ядерных испытаний министр обороны Индии Джордж Фернандес выступил с публичным докладом «Перспективы безопасности Индии», в котором заявил, что дело не только и не столько в Пакистане: «Угрозу номер один для Индии представляет Китай», а также китайско-пакистанские военные связи, заключающиеся в

¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. С. 263.

² «В Индии еще в 50-х годах была разработана стратегия «самоподдерживающегося и самообеспечивающегося» роста» (Лунев С.И. Указ. соч. С. 176).

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч. С. 263.

⁴ «Если в первые 10–12 лет своего независимого существования политические силы в Индии уповали главным образом на морально-этическое превосходство, активно обыгрывая наследие принципов ненасилия М. Ганди и идеологию неприсоединения, то в дальнейшем они стали опираться на обретенный статус крупной военно-промышленной державы, призванной быть лидером не только в своем «узком» Южноазиатском регионе, но и в более широких географических рамках, а также и в «метарегиональном» сообществе неприсоединившихся и развивающихся стран ("третьем мире")» (Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч. С. 28).

⁵ Кастовая иерархия (около 4000 каст) сложилась в средневековой Индии и без существенных изменений существовала до середины XX века.

⁶ В течение полувека это стремление разделяли все правительства Индии, ведущие партии и партийные коалиции.

⁷ Индия присоединилась к Договору о запрете ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой.

передаче Китаем Пакистану ракетной и ядерной технологии¹. Индия перешла «ядерный Рубикон», не оставив и камня на камне от стереотипа о «невоинственных индусах». При этом Дели рассчитывал на поддержку России, и эти предположения оказались небезосновательными. Однозначность занятой Россией позиции была подтверждена в декабре 1998 г. подписанием с Индией Программы военно-технического сотрудничества до 2010 г.

Россия, являясь одним из инициаторов договоров о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, не могла не выступить с осуждением проведенных Индией и Пакистаном ядерных испытаний, но отказалась участвовать в объявленных США, Канадой и Японией санкциях против Индии. И хотя Россия не присоединилась также к санкциям против Пакистана, именно эта страна в итоге оказалась в положении проигравшего, не получая помощи от основных своих поставщиков. В результате Пакистан, скорее всего, навсегда утратил способность самостоятельно противостоять Индии в регионе.

В то же время Индия уверенно закрепляет свою глобальную военно-политическую значимость. Регулярные части индийских вооруженных сил насчитывают 1,26 млн. человек (четвертое место в мире после Китая, США и России). С учетом резерва в полмиллиона и различных военизированных формирований (свыше 1 млн.) военные силы составляют около 3 млн. человек. На четвертом месте среди государств мира Индия находится и по мощи своих ВВС (около 800 боевых самолетов) и ВМС (60 боевых кораблей, из них 17 подлодок). В начале 2003 г. создано командование стратегическими ракетно-ядерными силами, на боевое дежурство поставлены тактические ракеты и планируется передача на боевое дежурство стратегических ракет. Военно-промышленный комплекс включает примерно 40 крупных оборонных предприятий и 10 научно-исследовательских учреждений².

Стремление Белого дома создать в Азии противовес растущему китайскому влиянию было использовано Дели для достижения официального признания статуса ядерной державы. В декабре 2006 г. был принят закон о мирном сотрудничестве США и Индии в области атомной энергии. При подготовке этого соглашения Индия настояла на предоставлении ей права на переработку использованного ядерного топлива. Примечательно, что Индия при этом намерена ставить под контроль МАГАТЭ только мирные объекты, перечень которых она определит сама.

В 2011 г. планируется завершить работы по сооружению первого индийского 500-мегаваттного реактора на быстрых нейтронах, который сооружается в Калпаккаме в южном штате Тамилнад. В настоящее время атомные электростанции Индии обеспечивают около 3% потребностей страны в электроэнергии, к 2050 г. поставлена задача довести долю АЭС в суммарном производстве электроэнергии до 25%.

После достижения соглашения Индии с МАГАТЭ о гарантиях безопасности радиоактивных материалов группа ядерных поставщиков (45 стран, обладающих ядерными технологиями) 6 сентября 2008 г. сняла с Индии длившиеся 34 года санкции на поставку урана, реакторов и технологий. Это было сделано вопреки тому, что Индия не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, считая его дискриминационным. Беспрецедентное исключение было сделано под напором США с учетом безупречной репутации Индии в сфере нераспространения. Двустороннее межправительственное соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергии Индия уже подписала с Францией, США и Россией.

Характеризуя результаты полувекового развития Индии и особенности ее политики безопасности как независимого государства необходимо подчеркнуть важность общественного согласия в отношении определения исторически значимой стратегии развития. Определение перспективных целей и упорная, наступательная и преемственная политика в их реализации позволили Индии в сжатые сроки пройти путь от колониальной зависимости до превращения в одну из глобальных держав, мощный центр силы, сохраняющий также авторитет лидера развивающихся государств в отстаивании их интересов во взаимодействиях с лидерами модернизации. Очевидным подтверждением успешности реализации намеченной внешнеполитической стратегии Индии является то, что в настоящее время ее кандидатура на постоянное членство в составе СБ ООН вызывает наименьшие (по сравнению с другими кандидатами, например такими, как Япония, Германия, Бразилия) возражения среди ведущих государств мира.

Высокую эффективность продемонстрировала подчас рискованная внешняя политика Индии. Подобно тому, как КНР добилась успехов в проведении экономических реформ, и ее внутренний рынок стал сферой соперничества между лидерами модернизации (в первую очередь – США и Японии), Индия подтвердила статус надежного внешнеполитического партнера, за расположение которого ведут борьбу в настоящее время такие государства, как США, Китай и Россия.

В целом стратегический потенциал и специфика развития цивилизаций-государств Востока определяется:

- приверженностью традиционным идеалам и ценностям, основанным на религиозно-этических учениях (конфуцианство, даосизм, индуизм, буддизм, синтоизм, ислам);
- способностью к интеграции ценностей и традиций иных элементов и подсистем гецивилизации, избирательностью и прагматизмом в процессе заимствования достижений в различных сферах развития;
- детальной регламентацией внутренней жизни и жестким регулированием внешних контактов;
- преемственностью и комплексностью в реализации установленных целей и задач развития, эффективным использованием исторически сложившихся методов военно-политического противоборства (стратагемность, кодекс бусидо);

¹ См.: Лунев С.И. Указ. соч. С. 175.

² См.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч. С. 258–259.

- привлечением возможностей диаспоры для решения задач модернизационного развития.

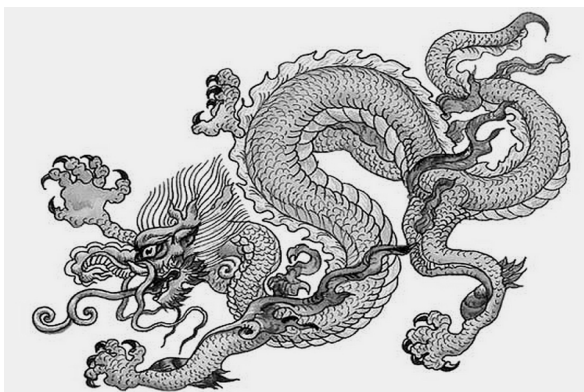
В обозримом будущем следующие факторы обуславливают политический курс цивилизаций-государств Востока:

- зависимость от Запада в сфере передовых технологий;
- дискриминационное положение в международной торговле и глобальной финансовой системе;
- необходимость уклоняться от конфронтации с Западом из-за сохраняющегося отставания в развитии военного потенциала.

В сложившихся условиях Россия объективно является союзником Востока, что определяющим образом будет содействовать становлению полицентричной структуры мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арин О.А. Россия: ни шагу вперед. М.: Эксмо, 2003.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003.
3. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004.
4. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
5. Дюмон Л. Homo hierarchicus // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999.
6. Зимонин В.П. Две тенденции в развитии военно-политической ситуации в АТР и Китай // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000.
7. История Индии. М.: Альтернатива, 2004.
8. Лунев С.И. Индия в глобализующемся мире // Глобализация и крупные полупериферийные страны. Серия «Научные доклады». Вып. 1. М.: Международные отношения, 2003.
9. Макаренко В.В. Кто союзники России? Ментальность и геополитика: парадоксы политики безопасности России. М.: СТРАДИЗ, ФИАМР, 2000.
10. Мясников В.С. Антология хитроумных планов // Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М.: Прогресс, Культура, 1995.
11. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980.
12. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры / Редколл.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1995. Вып. 2.
13. Остроухов О.Л., Савицкий А.Н. Внешняя политики КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001.
14. Свешников А.А. Концепция КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001.
15. Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001.
16. Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998.
17. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. / Сост. Рашковский Е.Б. М.: Прогресс – Культура, 1996.
18. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.
20. Якимец С.И. О новых моментах в геостратегии КНР после «холодной войны» // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000.

Китайский дракон. Рисунок с сайта <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/203/>